63
263.
801-12
161

КАВКАЗСКІЕ ПРАЗДНИКИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

В. А. Инсарскаго.

НЕ КОПИРОВАТЬ

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Мясницк. вор., д. Воейкова.
1868.

Дозволено цензурою. Москва, 3 іюня 1868 г.

14055-О

2007082818

КАВКАЗСКІЕ ПРАЗДНИКИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ В. А. ИНСАРСКАГО (*).

Въ моихъ воспоминаніяхъ о Каджорахъ (1), особенно-рельефное мѣсто занимаютъ два праздника широкихъ размѣровъ, истинно Кавказскіе, которые были устроены въ первое лѣто моего тамъ пребыванія. Праздники эти, безъ сомнѣнія, долго будутъ жить въ памяти Тифлисскаго большаго свѣта. Одинъ былъ данъ княземъ А. И. Барятинскимъ Каджорскому обществу, а другой князьями Орбеліани князю А. И. Барятинскому.

(*) См. выше, стр. 475.

(1) Загородное мѣсто, въ 12 верстахъ отъ Тифлиса. Каджоры по отношенію къ Тифлису тоже, что̀ по отношенію къ Петербургу Павловскъ, Парголово и т. п.

Начну съ перваго. Прежде всего надобно замѣтить, что въ разстояніи верстъ 10 или 12-ти отъ Каджоръ лежитъ принадлежащее барону Николаю имѣніе „Бетанія“. Въ этомъ имѣніи есть прекрасный (по крайней мѣрѣ по туземному) домъ, удовлетворяющій даже Европейскимъ требованіямъ. Обыкновенно самъ баронъ всегда проводилъ здѣсь лѣтнее время; но въ это лѣта онъ куда-то уѣзжалъ, и домъ оставался свободнымъ. Въ этомъ-то домѣ князь Александръ Ивановичь и предположилъ устроить праздникъ. Само собою разумѣется, что заблаговременно были отправлены туда люди различныхъ наименованій, обязанные пріуготовить все, что необходимо для того, чтобы праздникъ былъ роскошенъ и великолѣпенъ.

Въ назначенный день все общество собралось на дачѣ князя, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Тамъ же были сосредоточены всѣ экипажи и верховыя лошади, приготовленныя для дамъ и мужчинъ. У меня была верховая, довольно бѣшеная лошадь; но, чувствуя себя въ этотъ день не совсѣмъ здоровымъ, я уступилъ ее въ общее пользованіе, а самъ предпочелъ отправиться въ экипажѣ, для чего и

взялъ у А. М. Фадѣева [2]) его оригинальныя дрожки или лучше сказать огромныя дроги, на которыхъ обыкновенно усаживалось все его многочисленное семейство. Въ эти дроги были заложены дышломъ двѣ огромныя вороныя лошади, нѣкогда прекрасныя, но значительно уже устарѣвшія, изъ которыхъ одна даже была крива на одинъ глазъ. Это, повидимому, незначительное обстоятельство я привожу потому, что оно должно играть нѣкоторую роль въ приключеніяхъ того дня.

Послѣ завтрака все общество разсѣлось, кто въ экипажахъ, кто на верховыхъ лошадяхъ, и подъ предводительствомъ великолѣпнаго хозяина, на великолѣпномъ конѣ, тронулось въ путь. Кавалькада была огромная, и амазонокъ въ ней было едва ли не на половину. За нею тянулась нескончаемая цѣпь различныхъ экипажей, въ числѣ которыхъ мои замѣчательныя дроги вызывали тысячи остроумныхъ шутокъ и сравненій. Мнѣ было, однако, чрезвычайно покойно на нихъ и, при постоянныхъ остановкахъ экипажей на извилистой и не-

---

[2]) Отецъ Фадѣева, военнаго писателя.

ровной дорогѣ, многія дамы пересѣли изъ своихъ экипажей ко мнѣ на мои достославныя дроги, такъ что на нихъ скоро водворилось полное веселье. Возсѣдая на своихъ дрогахъ, я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на почтеннаго и ученаго Н. В. Ханыкова, который часто появлялся у насъ на Кавказѣ и которому достался мой конь. Конь былъ очень игривъ, а Ханыковъ не былъ очень искусенъ въ верховой ѣздѣ. Отъ этого происходило взаимное ихъ мученье. Конь безпрерывно прыгалъ и вертѣлся, что̀ составляетъ обыкновенную привычку Карабахскихъ лошадей и что̀ нисколько не безпокоитъ туземныхъ ѣздоковъ. Между тѣмъ довольно тучный Ханыковъ хотѣлъ ѣхать тихо и спокойно, дергалъ лошадь, желая привести ее въ мирное положеніе, отчего она еще болѣе горячилась, заставляя его ежеминутно и небезопасно подпрыгивать на сѣдлѣ. При самомъ началѣ нашего путешествія, потъ уже катился съ него градомъ, и не трудно было угадать, что онъ проклинаетъ и лошадь, и жаркій день, и поѣздку, которая, вмѣсто удовольствія, надѣляетъ его мученіями чуждаго ему джигитства, въ заключеніе которыхъ предстоитъ удовольствіе сломить себѣ шею. Я съ безпокойствомъ ожидалъ этой катастрофы, но Ханыковъ убѣдилъ кого-то взять у него эту сумашедшую лошадь и весь красный и потный усѣлся въ какой-то экипажъ, постоянно отдуваясь, какъ послѣ весьма тяжелой работы...

Погода была великолѣпная, и самая поѣздка наша въ Бетанію была одною изъ лучшихъ частей въ общемъ планѣ праздника. Неровная дорога то поднималась на гору, то опускалась внизъ, то шла по долинѣ, то зарывалась въ дремучемъ лѣсу. Оканчивалась она длиннымъ (версты въ двѣ или три) и крутымъ спускомъ къ самой Бетаніи, такъ что дамы, помѣщенныя въ экипажахъ, безпрерывно вскрикивали, а многія выходили изъ экипажей и спускались пѣшкомъ. Съ окончаніемъ спуска мы увидали прекрасный домъ, а передъ домомъ, на открытомъ воздухѣ, убранные для обѣда столы, украшенные зеленью и обставленные лакеями въ бѣлыхъ галстухахъ, готовыми ринуться по первому знаку. Ожидательное ихъ состояніе продолжалось не долго. Все общество, исправивъ на скорую руку, по-кавказски, свои туалеты, разсѣлось за столами. Всеобщее настроеніе было

восхитительное. Южное солнце, съ своими золотыми лучами, море зелени, сквозь которую проходили эти лучи, добрый аппетитъ, возбужденный поѣздкою, все это располагало къ удовольствію. Скоро надъ столами понесся веселый гулъ и говоръ, смѣшанный съ взрывами хохота, бряканьемъ тарелокъ, стакановъ и обычными возгласами: „алла верды!“ и „якши іолъ“ возгласами, знакомыми каждому, кто хоть не на долго заглядывалъ въ Кавказскій міръ.

Кто заглядывалъ въ этотъ міръ, тотъ не можетъ не знать, какую страшную силу заключаютъ въ себѣ эти два татарскія слова! Они образуютъ безконечную и крѣпкую цѣпь, изъ которой рѣшительно нѣтъ возможности никому выпутаться. Если вамъ сказали „алла верды,“ вы обязаны схватиться за стаканъ и сказавши „якши іолъ“ выпить столько, сколько выпилъ адресовавшій къ вамъ „алла верды“; въ тоже время вы обязаны адресовать свое „алла верды“ кому хотите и опять пить... Едва вы отбились такимъ образомъ отъ одного „алла верды“, какъ на васъ несется съ другаго конца другое „алла верды“, а иногда два, три разомъ... Словомъ, человѣку,

попавшему такъ сказать, въ этотъ передѣлъ, остаться совершенно цѣлымъ рѣшительно невозможно. При томъ надо замѣтить, что цѣпь эта живетъ и ведетъ свою перестрѣлку совершенно независимо отъ распоряженія главнаго двигателя пира, хозяина или нарочно избраннаго „толумбаша“, который своимъ порядкомъ объявляетъ то или другое повелѣніе, подлежащее общему и одновременному исполненію...

Всѣхъ подробностей праздника я исчислять не буду, потому собственно, что не могу и припомнить ихъ. Помню только, что праздникъ продолжался не долго... Послѣ обѣда предъ домомъ разостланы были ковры, разставлены кресла и стулья, на которыхъ кругомъ и расположилось все общество. Въ средину этого круга вошли мы съ А. А. Харитоновымъ, со всѣми пріемами сценическихъ пѣвцовъ, съ нотами въ рукахъ, торжественно раскланялись и исполнили какой-то дуетъ. Потомъ сформировался хоръ, который въ обстановкѣ, нисколько, не напоминавшей настоящую Россію, самымъ энергическимъ образомъ исполнялъ однако пѣсни чисто-великороссійскаго содержанія. Дѣло шло такъ

хорошо, что нѣкоторые изъ Грузинъ и Армянъ усердно присоединяли свои голоса къ хору, хотя быть можетъ не совсѣмъ хорошо понимали, о чемъ тутъ шло дѣло. Я помню очень живо умную и почтенную физіономію знаменитаго князя Василія Осиповича Бебутова, который постоянно стоялъ подлѣ меня, пристально смотрѣлъ на меня, какъ на дирижера и старческимъ басомъ старался выразить свое посильное участіе въ Русской пѣснѣ. Одна изъ нихъ, вѣроятно много разъ слышанная имъ во время походовъ отъ Русскихъ солдатъ, именно: „Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ“ доставляла ему особенное наслажденіе, такъ что по настоятельному его желанію надо было повторять ее нѣсколько разъ.

Хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ кстати, но я позволяю себѣ остановиться мимоходомъ на этой замѣчательной личности. Имя князя Василія Осиповича Бебутова, столь громкое на Кавказѣ, имѣетъ значительную извѣстность и въ Россіи. Извѣстно, что предъ наступленіемъ Восточной войны онъ былъ вызванъ въ Петербургъ съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать его, въ случаѣ надобности, главнымъ дѣятелемъ по защитѣ нашихъ Кавказ-

скихъ владѣній: полагали, что ему, какъ туземцу и туземцу умному, ближе извѣстны и духъ народа и разнообразныя условія обороны. Князь Бебутовъ произвелъ въ Петербургѣ прекрасное впечатлѣніе своимъ умомъ, любезностію и особенно тѣми немножко устарѣвшими манерами, которыхъ онъ держался, не зная, быть можетъ, что онѣ уже устарѣли. Такъ напр: когда онъ игралъ во дворцѣ въ вистъ, то при первоначальной сдачѣ картъ, каждому кланялся и говорилъ: „желаю веселиться“ или „желаю счастья“ и дѣлалъ это такъ хорошо, что всѣмъ нравилось. Когда война загорѣлась, князь Бебутовъ сталъ во главѣ дѣйствовавшаго на Кавказско-Турецкой границѣ корпуса и совершилъ великія дѣла, которыя возвысили его славу. По окончаніи войны онъ обратился къ мирнымъ своимъ занятіямъ, по званію Начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ и Предсѣдателя Совѣта Намѣстника. По закону, значеніе и предѣлы власти Начальника гражданскаго управленія были довольно значительны, но на самомъ дѣлѣ они были очень урѣзаны. Начало этому ограниченію положено было, кажется, еще княземъ Воронцовымъ. Князь

А. И. Барятинскій довершилъ его, сосредоточивъ рѣшительно всѣ дѣла въ своей Канцеляріи, такъ что въ моментъ моего пріѣзда на Кавказъ, князь Бебутовъ, хотя носилъ еще это званіе, но не исполнялъ уже никакихъ обязанностей, съ нимъ связанныхъ и удерживалъ за собою единственно почетную должность Предсѣдателя Совѣта Намѣстника. Князь Бебутовъ во многихъ отношеніяхъ былъ человѣкъ истинно обольстительный. Умный, любезный, добрый, ласковый, онъ рѣшительно очаровывалъ всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Мое знакомство съ нимъ исполнено было самыхъ пріятнѣйшихъ для меня впечатлѣній, и я искренно полюбилъ его, какъ человѣка умнаго въ дѣловомъ значеніи и пріятнѣйшаго въ частномъ быту.

На Кавказѣ существовало, да кажется и теперь существуетъ, такъ называемое Особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе, образуемое изъ нѣсколькихъ высшихъ лицъ гражданскаго управленія подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Совѣта. Съ моею должностью связана была, по самому уставу, обязанность быть членомъ этого присутствія и имѣть высшій надзоръ за его дѣлопроизводствомъ.

Понятно, что въ этомъ положеніи я имѣлъ постоянныя дѣловыя сношенія съ княземъ Бебутовымъ, которыя и дали мнѣ полную возможность видѣть и его свѣтлый умъ и его гражданскую опытность. Въ частномъ быту сближеніе это было еще сильнѣе: въ тоже лѣто 1857 года, случилось такъ, что мы поселились въ Каджорахъ на одной дачѣ: онъ занималъ большой домъ, а я жилъ въ одномъ изъ флигелей, такъ что свиданія наши были ежедневны, и большую часть вечеровъ я проводилъ у него. У князя была манера: съ людьми, которыхъ онъ любилъ, переходить скоро на дружеское „ты.“ Точно такъ и мнѣ онъ говорилъ „ты“, хотя само собою разумѣется, что я, изъ уваженія къ его лѣтамъ, славѣ и заслугамъ, держался на почтительномъ „Вы.“

Къ сожалѣнію, въ то время, когда князь Бебутовъ въ Бетаніи пѣлъ со мною пѣсни, дни его были уже сочтены, хотя ни для кого это не было замѣтно. На одномъ изъ обѣдовъ у Князя Намѣстника въ Каджорахъ, съ княземъ Бебутовымъ сдѣлалась рвота и какое-то стѣсненіе въ горлѣ. Припадокъ этотъ впрочемъ не обратилъ ничьего вниманія, потому что князь на другой

день выходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало и не чувствовалъ ничего особеннаго. Скоро послѣ этого я уѣхалъ изъ Каджоръ въ Тифлисъ, а потомъ въ Баку для встрѣчи моего семейства, а когда возвратился въ Тифлисъ, то нашелъ уже князя Бебутова очень больнымъ. Мнѣ разсказали, что припадки съ горломъ повторяются въ большей силѣ и что на выздоровленіе почти нѣтъ надежды. Болѣзнь его длилась, впрочемъ, довольно долго; а между тѣмъ князь Александръ Ивановичъ, погруженный въ различныя гражданскія преобразованія, имѣлъ большую надобность для своихъ видовъ очистить мѣсто Предсѣдателя Совѣта; а потому поѣхалъ къ нему, объяснилъ свои виды и предложилъ ему званіе Члена Государственнаго Совѣта. Князь Бебутовъ, разумѣется, на все согласился, и моимъ перомъ написано было представленіе о зачисленіи его въ Государственный Совѣтъ съ сохраненіемъ того содержанія, какое онъ дотолѣ получалъ.

Но я не знаю, когда бы подобная увѣренность Князя, въ чемъ бы то ни было, обманывала его. У насъ на Кавказѣ существовало убѣжденіе, будто, еще только отправляясь въ походъ

противъ Шамиля, Князь заявилъ Государю, что онъ пришлетъ Шамиля въ Петербургъ съ Трамповкимъ (*) и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же будто бы выпросилъ Трамповскому и награду за это доставленіе, когда оно состоится. Такъ точно было и здѣсь: когда получено было Высочайшее соизволеніе на представленіе Князя-Намѣстника, князь Бебутовъ мучительно переживалъ послѣдніе дни. Почти передъ самой кончиной онъ потребовалъ меня къ себѣ и съ трудомъ, прерывающимся голосомъ, передалъ мнѣ нѣкоторыя предсмертныя просьбы относительно его семейства, для представленія Князю. Получивъ согласіе на нихъ Князя, я имѣлъ еще высокую, хотя печальную честь лично передать умирающему князю Бебутову это извѣстіе. Онъ обнялъ меня холодѣющими руками и сказалъ: „теперь умру спокойно.“ Дѣйствительно, скоро послѣ того онъ скончался.

Похороны князя Бебутова были великолѣпны, по туземному. День былъ восхитительный; было нѣсколько жарко; волны народа запрудили ули-

(*) Генералъ, состоявшій при Князѣ.

цы; всѣ крыши были также покрыты ими. Всѣ чины, гражданскіе и военные, въ парадной формѣ, присутствовали тутъ; ихъ золотые мундиры перемѣшивались съ торжественнымъ одѣяніемъ многочисленнаго духовенства. Когда гробъ вынесли изъ дома, то народъ не допустилъ поставить его на приготовленную колесницу и несъ его на рукахъ до церкви, а потомъ оттуда до кладбища. Странно было видѣть огромныя массы народа, отбивающія другъ у друга честь нести усопшаго князя, и поверхъ этихъ массъ качающійся гробъ, а въ немъ открытое, умное, съ большимъ носомъ, лицо покойника, освѣщенное яркимъ солнцемъ и какъ бы смотрящее на небо....

Однако, по пословицѣ, „началъ за здравіе, а свелъ на упокой“, я совсѣмъ ушелъ съ праздника, о которомъ повелъ рѣчь.

Увы! Этому празднику нанесены были два гибельные удара. Начать съ того, что, предъ наступленіемъ вечера, дождь, сначала едва замѣтный, сталъ постепенно усиливаться и загонять все общество въ залы дома. Обстоятельство это, конечно, вовсе неожиданное, значительно повредило праз-

нику, расчитанному именно на наслажденіи открытымъ воздухомъ; никому однако не приходило въ голову, по крайней мѣрѣ изъ мужчинъ, отступать предъ этимъ препятствіемъ, и большинство торжественно заявляло, что веселіе будетъ продолжаться въ комнатахъ дома. Но на бѣду какой-то барынѣ, изъ наиболѣе знатныхъ, вздумалось покапризничать вслѣдствіе какого-то совершенно ничтожнаго повода, и она объявила рѣшимость ѣхать. Всеобщія убѣжденія остаться и не разрушать праздника, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не повели ни къ чему. Кончено! Всѣ другія барыни сочли долгомъ тоже ѣхать тотчасъ, уже нисколько не разбирая: для чего и почему? Мгновенно все стало укутываться и собираться. Пьяные кучера, нисколько не предвидя, что ихъ такъ скоро потревожатъ, стали подавать мокрые экипажи къ подъѣзду, подъ проливнымъ дождемъ; при чемъ не обошлось безъ происшествія. Кучеръ князя А. И. Барятинскаго ударилъ какую-то изъ своихъ лошадей; та ударила его и переломила ему ногу. Разумѣется, суматоха усилилась. Кучера сняли и отдали въ распоряженіе док-

торовъ, въ составѣ общества находившихся. Всѣ амазонки, такъ храбро и изящно ѣхавшія на своихъ коняхъ до Бетаніи, размѣстились кое-какъ въ экипажи, справедливо находя, что подъ дождемъ и въ грязи никакое изящество уже невозможно и вмѣсто ловкой наѣздницы можно обратиться въ мокрую курицу.

При этомъ размѣщеніи мои необъятныя дроги выказали со славою все свое вмѣстительное достоинство: на нихъ насѣлось множество разныхъ личностей. Я съ гордостью стоялъ подлѣ дрогъ и самодовольно, какъ при входѣ въ циркъ какой нибудь, приглашалъ желающихъ умѣщаться. Кучеръ мой, тоже подвыпившій, нѣсколько разъ оборачивался, чтобъ взглянуть на населеніе его владѣній и сомнительно покачивалъ головою; но я былъ глубоко убѣжденъ, что все пойдетъ отлично, ибо видѣлъ предъ собою двухъ огромныхъ лошадей, въ которыхъ естественно предполагалъ огромную силу и въ тоже время зналъ хорошо, что мои дроги чужды той безполезной роскоши въ видѣ рессоръ и т. п., которая, доставляя нѣкоторыя удобства сѣдокамъ, страшно увеличиваетъ тяжесть экипажа и можетъ быть

умѣстна только на шоссейныхъ дорогахъ, а не на тѣхъ естественныхъ, первобытныхъ путяхъ, гдѣ двѣ-три пары буйволовъ съ трудомъ тащатъ простую арбу, со скрипомъ, гиканьемъ и безпрерывнымъ хлопаньемъ необъятно-длиннаго бича.

Когда дроги достаточно наполнились, мы торжественно двинулись вслѣдъ другимъ экипажамъ, которые не требовали столь хлопотливаго наполненія ихъ и потому скорѣе нашего отправились въ путь. Едва мы сдѣлали поворотъ, ведущій отъ дому на дорогу, которая шла въ гору, именно въ ту гору, съ которой мы такъ весело спускались и которая теперь представляла массу черноземной густой грязи, предъ нами открылось тотчасъ печальное зрѣлище: почти всѣ экипажи, двинувшіеся впередъ насъ, стояли на этой горѣ, на различныхъ точкахъ, одни выше, другіе ниже. Всѣ эти экипажи окружены были толпами казаковъ и лакеевъ, изъ среды которыхъ безпрерывно подымались совѣты перепречь рыжую, ударить дышловую, взять налѣво, повернуть направо. Среди этихъ разнородныхъ совѣтовъ слышались иногда женскіе визги, выходившіе изъ экипажей. Мои

дроги, естественно, тоже должны были остановиться, потому что объѣхать экипажи, остановившіеся впереди, не было никакой возможности: до такой степени дорога, обставленная то лѣсомъ, то обрывами, была узка. Я обходилъ эти остановившіеся экипажи, присоединялъ мои совѣты къ разнороднымъ совѣтамъ, кругомъ ихъ раздававшимся и самоувѣренно предлагалъ дамамъ, ради несомнѣннаго спокойствія, перемѣститься въ мои дроги, хотя бы для этого пришлось нѣсколько потѣсниться, на что̀ нѣкоторыя охотно соглашались и были переносимы на рукахъ казаками.

Трудно передать молодечество и расторопность этихъ дивныхъ людей—Кавказскихъ казаковъ! Въ этотъ день они безспорно пріумножили свою славу на сто процентовъ, хотя подвиги ихъ не имѣли въ себѣ ничего воинственнаго и не занесены въ ихъ формулярные и другіе списки. Безъ преувеличенія можно сказать, что обратное переселеніе наше изъ Бетаніи въ Каджоры матеріально совершено ими. Начать съ того, что всѣ засѣвшіе на горѣ экипажи они вынесли почти на своихъ рукахъ на болѣе ровную дорогу и потомъ умѣли такъ

распредѣлиться, что у каждаго экипажа былъ свой конвой, который и выручалъ его изо всѣхъ засадъ и приключеній. Однимъ словомъ, куда ни повернешься, куда ни взглянешь—вездѣ казаки, готовые помогать вамъ и исполнять всѣ ваши желанія и приказанія.

Когда передніе экипажи тронулись, предстояло тронуться и моимъ знаменитымъ дрогамъ, наполненнымъ уже до крайней возможности. Надо замѣтить, что, обозрѣвая впереди дорогу, шествуя для этого почти по колѣно въ грязи и присутствуя при бѣдствіяхъ другихъ экипажей, я не могъ не поддаться чувству нѣкотораго безпокойства за благополучное движеніе и моего экипажа, въ особенности за успѣшное одолѣніе имъ страшной горы. Сначала дроги двинулись бодро и возвеселили было мой начинавшій падать духъ; но увы! скоро и они очутились въ томъ же бѣдственномъ положеніи, которое испытали другіе предшествующіе экипажи. Лошади остановились и не только не шли впередъ, но пятились назадъ, оттягиваемыя страшною тяжестью, помѣщенною на дрогахъ. Какъ во время кораблекрушенія, мгновенно наступило

общее замѣшательство, усилившееся тѣмъ, что на одной сторонѣ дороги находился крутой обрывъ, заросшій деревьями, куда именно и направлялись пятившіяся дроги. „Стой! держи! куда?“ раздалось вдругъ на разные голоса, и эти возгласы покрывались визгами испуганныхъ дамъ, изъ которыхъ многія стали выскакивать въ своихъ нарядныхъ платьяхъ прямо на дорогу въ глубокую грязь. Однимъ словомъ, наступило страшное смятеніе! На бѣду кривая лошадь, которая преимущественно и начала портить дѣло, не могла видѣть находившагося съ ея боку обрыва и, продолжая пятиться, вдругъ повалилась въ него, увлекая съ собою другую лошадь и самыя дроги! Все это полетѣло бы, конечно, въ самую глубь обрыва, если бы не деревья, которыми онъ заросъ и которыя, задержавъ дальнѣйшее паденіе, образовали изъ лошадей и громадныхъ дрогъ самое хаотическое зрѣлище! Распутывать всю эту путаницу простыми средствами не было никакой возможности, и потому налетѣвшіе казаки мгновенно начали рубить и сбрую и части экипажа своими огромными кинжалами съ цѣлію только спасти лошадей, которыя могли задохнуться или покатиться дальше въ кручь.

Но въ то время, когда казаки работали съ экипажемъ, у меня были страшнѣйшія хлопоты съ дамами. На мнѣ лежала, такъ сказать, нравственная обязанность улучшить, всѣми мѣрами, ихъ затруднительное положеніе, въ которое нѣкоторымъ образомъ я же ихъ увлекъ, выхваляя достоинства моего экипажа. Поливаемыя дождемъ, онѣ стояли въ глубокой грязи. На мое счастье въ этотъ моментъ проѣзжалъ мимо насъ камердинеръ князя А. И. Барятинскаго, обвѣшанный со всѣхъ сторонъ разными узлами. Я началъ съ того, что отобралъ отъ него эти узлы и разнороднымъ бѣльемъ, въ нихъ находившимся, укрылъ по возможности дамъ отъ дождя, нещадно разрушавшаго ихъ шляпы и разные головные уборы; за тѣмъ тому же камердинеру поручилъ скакать куда знаетъ и высылать намъ экипажи и верховыхъ лошадей, тоже откуда онъ знаетъ.

Между тѣмъ, объятые ночью, мы перехватывали на пути все что́ намъ попадалось по части перевозочныхъ средствъ, и добыча эта была значительна, потому что вслѣдъ за нами

тянулись отставшіе гости и цѣлые полки прислуги. Я даже не помню, дождались ли мы того, какъ и чѣмъ распорядился камердинеръ; помню только, что наиболѣе щепетильныхъ дамъ удалось помѣстить кое-какъ въ мимо проходившіе экипажи; остальныя дамы, преимущественно туземки, по предложенію прелестной, умной и рѣшительной княгини Сумбатовой, выразили желаніе ѣхать верхомъ. Въ верховыхъ лошадяхъ на Кавказѣ никогда и нигдѣ недостатка нѣтъ. Начать съ того, что мы отобрали лошадей у казаковъ, возившихся съ нашимъ бѣдствующимъ экипажемъ; потомъ мы останавливали всѣхъ, кто ѣхалъ мимо и отбирали тоже лошадей. Кавалькада составилась великолѣпная по своей оригинальности. Впереди шло нѣсколько казаковъ съ факелами, освѣщая дорогу; другіе казаки вели лошадей, на которыхъ помѣщались не очень храбрыя дамы; все это заключалось значительнымъ отрядомъ мужчинъ. Оригинальная процессія эта останавливалась у каждаго духана, лежащаго на дорогѣ. Удивленный, ошеломленный духанщикъ начиналъ метаться во всѣ стороны, выносилъ намъ лучшее кахетинское вино, а

иногда и шампанское, если таковое находилось. Такимъ образомъ возвращеніе наше, имѣвшее столь печальное начало, въ своемъ продолженіи отличалось своеобразною прелестью. Въ глубокую полночь, промоченные до костей, мы добрались до Каджоръ и разстались въ смутномъ ожиданіи на другой день насморковъ, кашлей, флюсовъ, лихорадокъ и вообще простудныхъ болѣзней всякаго рода, которыя имѣли здѣсь удобный случай и вполнѣ законное право проявить все свое отвратительное могущество. Ничего однако не было, и ясное утро нашло всѣхъ здравыми, невредимыми и полными веселыхъ воспоминаній. Одни только искалеченныя дроги, приволоченныя на другой день буйволами, представляли печальную картину.—

Другой праздникъ, князей Орбеліани, представлялъ много другихъ оттѣнковъ. И здѣсь тоже необходимо предварительно замѣтить, что верстахъ въ тридцати отъ Каджоръ находилось родовое Орбеліановское имѣніе „Вышловани.“ Кому изъ трехъ братьевъ князей Орбеліани собственно оно принадлежало, я ужъ не знаю; помню только, что въ устройствѣ

праздника соединились всѣ, хотя знаменитый князь „Мамука“, этотъ идеалъ туземныхъ джигитовъ, по видимому былъ главнымъ распорядителемъ.

Задолго до праздника, князья Орбеліани объѣзжали всѣ Каджорскіе дома́ и дѣлали формальныя приглашенія. Такъ точно они были и у меня. Я чувствовалъ тогда себя очень дурно и въ самой вѣжливой формѣ старался уклониться отъ приглашенія; но эти почтенные люди, по своимъ Грузинскимъ патріархальнымъ обычаямъ, осадили меня такими настоятельными и въ тоже время милѣйшими просьбами, что я вынужденъ былъ дать слово явиться на мѣсто, если только не умру.

При отъѣздѣ въ назначенный день въ Вышловани повторились почти всѣ тѣже распоряженія, какъ и при отъѣздѣ въ Бетанію. Точно также одни ѣхали въ экипажахъ, другіе верхомъ. День былъ такой же восхитительный, только болѣе жаркій. Надо замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ пускались въ дѣло всѣ экипажи князя А. И. Барятинскаго, которые и были предлагаемы въ пользованіе особенно почетныхъ или особенно приближенныхъ лицъ. Верхомъ ѣхать я по прежнему не могъ; обращаться къ дрогамъ, такъ коварно измѣнившимъ мнѣ, я не хотѣлъ: и потому, когда за завтракомъ, предшествовавшимъ отъѣзду, Князь спросилъ меня: какъ я ѣду?... Я отвѣчалъ: „въ экипажахъ Намѣстника.“ Княгиня Марья Ивановна Орбеліани, эта блестящая звѣзда Грузіи, такъ рановременно потухшая, сказала: „Поѣзжайте въ моей коляскѣ, я туда ѣду верхомъ, а оттуда вмѣстѣ возвратимся“. Собственно говоря, коляска, которую княгиня называла „своею“, была тоже коляска Князя, но имѣя въ его безсемейномъ домѣ, при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, нѣкоторый видъ хозяйки, она пользовалась его экипажами и одну изъ колясокъ привыкла называть своею. Именно въ этой коляскѣ, запряженной прекрасной четверней, я летѣлъ вслѣдъ за кавалькадой, предводительствуемой по прежнему Княземъ и окруженной, какъ тучей комаровъ, молодцами-линейцами.

Путь былъ длиненъ и продолжителенъ, а потому и утомителенъ. Почти по всему протяженію дороги разставлены были Орбеліановскіе вѣстовые или курьеры, которые, завидѣвъ насъ, срывались, какъ безумные, съ мѣста,

съ быстротою пули летѣли назадъ и мгновенно исчезали изъ нашихъ глазъ. За нѣсколько верстъ отъ имѣнія, вѣроятно на границѣ его, насъ встрѣтили сами князья Орбеліани верхами, съ огромною свитою.

Скоро представился нашимъ взорамъ большой Грузинскій домъ, окруженный множествомъ сакель, но лишенный всякой зелени, которая обыкновенно окружаетъ дома Русскихъ помѣщиковъ. Движеніе нашэ направлено было къ этому дому, гдѣ, казалось, и будетъ самый праздникъ. На дѣлѣ оказалось не такъ. Въ этомъ домѣ совершился только, по Грузинскимъ обычаямъ, церемоніальный пріемъ хозяевами гостей, а за тѣмъ было объявлено, что тотчасъ надо отправляться въ садъ, отстоящій отъ дома еще на нѣсколько верстъ, гдѣ и приготовленъ обѣдъ. При этомъ случаѣ, однако, амазонки, большею частію побросали своихъ верховыхъ лошадей и наполнили всѣ свободныя мѣста въ экипажахъ. Я набилъ свою коляску до-нельзя дамами и самъ помѣстился на козлахъ.

Переѣздъ уже былъ незначителенъ, версты три-четыре, и мы скоро очутились въ роскошнѣйшемъ Грузинскомъ саду, обхватившемъ насъ со всѣхъ сторонъ моремъ зелени. Виноградныя аллеи заставлены были столами, роскошно убранными; по концамъ этихъ аллей били фонтаны, бросавшіе свои струи въ обширные бассейны; яркое солнце, пробиваясь сквозь зелень, рисовало на свѣтлыхъ, чистыхъ скатертяхъ затѣйливые узоры. Все дышало невообразимою прелестью. Туземные „нукерà“ смѣшивались съ нашими фрачными лакеями въ бѣлыхъ галстукахъ; такое же смѣшеніе представляло и самое общество гостей: какой-нибудь франтъ изъ нашихъ увивался около Грузинки, въ ея туземномъ нарядѣ, съ длинными заплетенными косами; подлѣ нашей барыни, у которой съ необъятнаго кринолина влачился еще болѣе необъятный шлейфъ, шелъ Грузинъ въ чухѣ, увѣшанный оружіемъ и сіяющій позументами. Полковая музыка ожидала только знака; знаменитый Сатаръ....

„Кто такой Сатаръ?“ быть можетъ спросятъ меня. Помилуйте! какъ можно не знать, кто Сатаръ! Сатаръ—неподражаемый соловей тѣхъ странъ. Выше его нѣтъ пѣвца не только на Кавказѣ, но и во всемъ Персидскомъ

царствѣ, снабдившемъ своими пѣснями нашу Грузію. Сатаръ, это Рубини Востока, и слава его, какъ меня увѣряли, гремитъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Дѣйствительно, въ пѣніи этого Персіанина если мало было, особенно для непривычнаго слуха, пріятнаго, то удивительнаго, просто-непостижимаго была бездна. Общій характеръ этого пѣнія былъ таковъ, что оно начиналось тихо, слабо, сдержанно и потомъ постепенно усиливалось, разгоралось и достигало самыхъ высокихъ и самыхъ звучныхъ нотъ. Что эти ноты не дешево доставались Сатару и его подражателямъ, можно судить по тому, что въ самой эффектной, энергической части своего пѣнія, они всегда закрывали себѣ лицо бубномъ, тарелкой или чѣмъ-нибудь другимъ: оглушительные крики, которые они издавали, не могли не безобразить ихъ физіономіи, заставляя ее кривляться и принимать различныя, большею частію, отвратительныя формы. Удивительное состояло въ томъ, что пѣвецъ могъ тянуть звукъ нескончаемымъ образомъ, производя всевозможныя варіаціи, и когда вамъ кажется, что звукъ этотъ, по законамъ дыханія, долженъ прерваться,

онъ съ новою силою взовьется вверхъ, потомъ упадетъ, потомъ опять взовьется, и такъ безъ конца. Когда сформировалась въ Тифлисѣ Италіанская опера, я часто подводилъ Италіанскихъ артистовъ къ Сатару и другимъ туземнымъ пѣвцамъ и спрашивалъ ихъ отзывовъ объ этомъ своеобразномъ искусствѣ. „C'est étonant! Mais on n'y peut rien comprendre!“ (*) отвѣчали они. Звуки этого пѣнія до такой степени изломаны, такъ сказать, что и по моему мнѣнію, они совершенно не подчиняются законамъ нашей Европейской музыки, что̀ доказывается тѣмъ, что внѣ Кавказа мы вовсе не слышимъ такой музыки. Одинъ только мотивъ ея, представляя пріятную мелодію, способенъ къ уловленію въ обще-музыкальныя формы, это именно тотъ мотивъ, на который, въ Руслянѣ и Людмиллѣ Глинки, поетъ женскій хоръ въ чертогахъ волшебницы, мотивъ страдальческій, щемящій за сердце, какъ и все вообще Персидское пѣніе. Тотъ же мотивъ, но только въ болѣе оживленномъ видѣ, положенъ Штраусомъ въ основаніе такъ

(*) Удивительно! Но тутъ ничего нельзя понять.

называемаго Персидскаго марша, который производилъ много эффекта въ средѣ Павловской публики, а потомъ перешелъ и въ полковые наши хоры.

Сатаръ сидѣлъ, по обычаю, на коврѣ, поджавши ноги, въ компаніи различныхъ туземныхъ музыкантовъ, составлявшихъ обыкновенно акомпаниментъ его пѣнію, пріятно улыбался и тоже выжидалъ момента, когда дадутъ просторъ страннымъ, но поразительнымъ звукамъ его непонятнаго голоса. Общее настроеніе было тоже, какъ и въ Бетаніи, восхитительное. Да другаго настроенія, кажется, и не существуетъ на Кавказѣ. Одна природа, свѣтлая, радостная, въ состояніи изгнать изъ сердца каждаго все скучное, нехорошее, мрачное. Но къ этому присоединяется еще то безпримѣрное, чистосердечное до наивности, радушіе Грузинъ, предъ которымъ никакой мизантропъ не устоитъ. Тамъ, гдѣ нужно подраться съ врагомъ или покутить съ другомъ, тамъ, гдѣ нужна отчаянная храбрость или беззавѣтное разгулье, нѣтъ въ мірѣ людей, подобныхъ Грузинамъ...

Скоро всѣ усѣлись за столы, и пиръ закипѣлъ. Музыка гремѣла вальсы и польки; Сатаръ заливался въ своихъ

треляхъ; кахетинское пошло въ ходъ въ кулахъ и озарпешахъ... Надо замѣтить, что въ подобныхъ случаяхъ князь А. И. Барятинскій держалъ себя превосходно: не смотря на величіе, которое его окружало, онъ не только никого не стѣснялъ своимъ присутствіемъ, напротивъ, любилъ видѣть общій разгаръ веселья. На лицѣ его появлялась какая-то одобряющая улыбка, которую каждому было пріятно встрѣтить и которая какъ будто говорила: „ничего, веселись!“ Обѣдъ скоро принялъ гомерическій видъ; радушные хозяева постоянно стояли надъ каждымъ съ кулами и озарпешами, выдумывая непрерывно тосты и различные предлоги, чтобы заставить пить. „Алла верды и якши іолъ“ гремѣли на всѣхъ концахъ неустанно....

Послѣ обѣда началась лезгинка, почти неизбѣжная во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Дѣло это совершается такимъ образомъ. Все общество образуетъ одинъ кругъ, въ средину котораго врывается мужчина или дама, а иногда и мужчина и дама вмѣстѣ и танцуютъ бѣшеную лезгинку. Оканчивающій свой танецъ, посреди рукоплесканій, обращается непремѣнно къ кому нибудь изъ присутствовавшихъ

и приглашаетъ его выступить, въ свою очередь, на арену. Отъ этой повинности освобождался одинъ только „Сардарь“ (*); за тѣмъ рѣшительно не было пощады никому: никакія возраженія и объясненія не принимались въ уваженіе; не обращалось вниманіе ни на званіе, ни на лѣта, ни на искусство по этой части. Самые важные и почтенные люди, а въ томъ числѣ кроткій, солидный, ученый М—ъ, зная, что никакія словопренія не помогутъ, хладнокровно шли на арену и обходили ее кругомъ, что̀ не только считалось достаточнымъ, но по обычаю покрывалось шумными рукоплесканіями. Но я не буду исчислять всѣхъ подробностей этого праздника; достаточно сказать, что веселье постоянно возрастало и достигло степени, для многихъ гибельной!...

Съ наступленіемъ вечера мы опять размѣстились въ экипажахъ и помчались къ дому, который горѣлъ множествомъ огней и издали походилъ на огромный фонарь. Первый, котораго я встрѣтилъ при входѣ въ освѣщенную залу, былъ князь Александръ Ивановичъ. Князь весело подошелъ

(*) Т. е. Князь-Намѣстникъ Кавказскій.

ко мнѣ и спросилъ: „Вы не знаете, сколько у насъ мертвыхъ тѣлъ?“ Сначала я не понялъ этого вопроса, но потомъ оказалось, что значительная часть молодежи была въ такомъ положеніи, что никакими средствами нельзя было ни собрать ее при возвращеніи изъ сада, ни разбудить тѣхъ, кого находили. Одинъ спалъ гдѣ нибудь въ кручѣ; другой въ какой нибудь чащѣ, кто-то ухитрился помѣститься, какъ птица, на древесныхъ вѣтвяхъ. Этихъ-то неотысканныхъ и оставшихся на мѣстѣ господъ Князь и называлъ „мертвыми тѣлами“.

Когда значительно разбитые остатки общества собрались въ домъ, составились партіи преферанса, виста и т. п. Впрочемъ остатокъ вечера, не смотря на любезныя старанія хозяевъ, шелъ довольно вяло въ слѣдствіе общаго утомленія. Скоро всѣ разошлись по отведеннымъ для каждаго ночлегамъ.

Именно здѣсь за картами, я познакомился впервыя съ Мирзоевымъ, личностью не только въ высшей степени замѣчательною, о которой съ самаго пріѣзда на Кавказъ я слышалъ постоянные и разнородные разсказы, но почти невѣроятною. Мирзоевъ былъ

нѣчто въ родѣ Тифлисскаго Монтекристо. Относительно обогащенія его разсказывали, что оно совершилось преимущественно поставкою спирта для Кавказскихъ войскъ. Въ заключеніе расчетовъ, которыми опредѣляли выгоды его отъ этой операціи, всѣ утверждали, что онъ нажилъ милліоны. Но не въ томъ дѣло, что онъ былъ богатъ, мало-ли кто богатъ? а въ томъ, какъ онъ распоряжался этимъ богатствомъ, и эту-то баснословную сторону я считаю нужнымъ обрисовать здѣсь по возможности. Начну съ отношеній его къ туземному управленію. Когда какое нибудь дѣло не двигалось, какая нибудь оброчная статья не шла съ рукъ, призывался Мирзоевъ, и ему говорили: „дѣлай или возьми!“ Мирзоевъ дѣлалъ и бралъ, считая за особенное счастіе угодить начальству. Когда по дѣламъ Мирзоева возникалъ какой нибудь громадный расчетъ съ казною, и дѣло наклонялось въ его сторону, его опять призывали: „Любезный Иванъ Минаевичъ, говорили ему, если бы можно прекратить это дѣло!“ Мирзоевъ тотчасъ прекращалъ процессъ. Такимъ образомъ Мирзоевъ, по предложенію начальства, взялъ громадный рыбный

откупъ и вносилъ одной откупной суммы до 360 т. руб. въ годъ; такимъ образомъ онъ, по предложенію начальства, отказывался отъ громадныхъ претензій по расчетамъ съ казною. Когда приготовлялось въ городѣ какое нибудь большое торжество по случаю того или другаго событія, Мирзоевъ опять благосклонно приглашался къ участію въ устройствѣ этого торжества и не останавливался ни предъ какими жертвами и расходами. Въ частныхъ сношеніяхъ онъ былъ просто опасенъ неукротимымъ своимъ стремленіемъ надѣлить васъ чѣмъ нибудь. Отъ этого не оберегались даже самыя высшія лица; до сихъ поръ разсказываютъ странную наивность М—ва, съ которою онъ хвалился дешевизною различныхъ предметовъ, доставляемыхъ ему Мирзоевымъ, тогда какъ этихъ предметовъ въ дѣйствительности нельзя было достать и за тройную цѣну. Когда кто нибудь пріѣзжалъ или уѣзжалъ изъ значительныхъ лицъ, Мирзоевъ дѣлалъ торжественные встрѣчи и проводы. Будучи самъ Грегоріанскаго исповѣданія, онъ точно также встрѣчалъ и провожалъ высшихъ духовныхъ особъ нашихъ. Этого мало. У отъѣзжающихъ

онъ покупалъ, за какую хотите цѣну, мебель, экипажи, лошадей; пріѣзжающаго онъ снабжалъ всѣмъ этимъ за самую ничтожную цѣну, назначаемую только для приличія. Отъ этого въ его сараяхъ, конюшняхъ, подвалахъ всегда находилась бездна экипажей, лошадей, мебели и всякаго хозяйственнаго добра. Кто уѣзжалъ изъ Тифлиса на время, въ Петербургъ напр. или куда нибудь—бралъ у Мирзоева, безданно безпошлинно, экипажъ, какой ему нравился и, отдѣлавъ его во время пути, преблагополучно возвращалъ. Будучи хозяиномъ рыбнаго промысла, онъ отдѣлялъ лучшіе сорты икры, шамаи, осетровъ въ свои подвалы и надѣлялъ ими всю Тифлисскую знать. Купить такой икры и рыбы въ Тифлисѣ было невозможно, и кто обращался по этой части къ Мирзоеву, вынужденъ былъ брать ее даромъ, потому что за деньги онъ не давалъ рѣшительно ничего, Тоже было и съ кахетинскимъ виномъ. Извѣстно, что мѣстное вино при самой выдѣлкѣ дѣлится на три сорта, первый, средній и послѣдній. Мирзоевъ скупалъ первые сорта почти во всѣхъ садахъ и распоряжался съ нимъ такимъ же образомъ: даромъ сколько

хотите, за деньги ничего. Отъ этого происходило, что Мирзоевъ самъ не занимался винодѣліемъ, а такъ называемое „Мирзоевское“ вино считалось роскошью. Общее мнѣніе было таково, что Мирзоевъ такимъ образомъ разсылалъ, раздавалъ вина, рыбы и другихъ предметовъ на нѣсколько десятковъ тысячъ въ годъ.

Щедрость его была просто изумительна. Напримѣръ, вновь прибывшему адъютанту какому нибудь понадобилась лошадь. По произведеннымъ розыскамъ оказывается, что у Мирзоева есть чудо-лошадь. Адъютантъ летитъ къ нему и спрашиваетъ: „не уступите ли такую-то лошадь?“—„Съ величайшимъ удовольствіемъ“, отвѣчаетъ тотъ. — „Позвольте узнать цѣну?“ спрашиваетъ адъютантъ. „Цѣны ей нѣтъ никакой“, отвѣчаетъ Мирзоевъ, „позвольте предложить вамъ ее въ знакъ моего уваженія“. Ошеломленный адъютантъ начинаетъ восклицать: „какъ можно, помилуйте“ и тому подобное; но ничто не беретъ: за деньги ни за что, такъ берите! Такая именно исторія была, между прочимъ, съ Свѣчинымъ. Самолюбивый и самъ богатый, онъ никакъ не рѣшался брать у Мирзоева лошадь да-

ромъ, а между тѣмъ лошадь нравилась ему чрезвычайно; наконецъ онъ послѣдовалъ нашему совѣту, взялъ лошадь безъ денегъ и потомъ сдѣлалъ Мирзоеву равноцѣнный подарокъ. Подарить что нибудь — было страстью Мирзоева, точно также, какъ и дѣлать роскошные обѣды или ужины, при малѣйшемъ намекѣ съ чьей либо стороны, если не было случаевъ, самостоятельно такъ сказать указывающихъ на это. Я помню, когда пріѣхалъ на Кавказъ князь Владиміръ Ивановичъ Барятинскій и выразилъ желаніе, почти неизбѣжное у всѣхъ заѣзжающихъ туда, пріобрѣсти хорошую бирюзу, Мирзоевъ не замедлилъ приподнести ему камень, въ родѣ скалы. За обѣдомъ, который Мирзоевъ тоже не замедлилъ устроить для князя, камень этотъ переходилъ изъ рукъ въ руки и вызывалъ общее удивленіе къ громадности и цѣнности его. Послѣ обѣда князь обратился ко мнѣ: „Согласи„тесь, что я не могу принять такой „цѣнный камень въ подарокъ; нельзя „ли узнать, что́ онъ стоитъ, и тогда „надо будетъ или заплатить за него, „или отдарить.“ — „Заплатить во вся„комъ случаѣ невозможно, отвѣчалъ „я, это глубоко оскорбитъ Мирзоева,

„да онъ и не возметъ денегъ, а от„дарить, я полагаю, можно и должно. „Подождите, я вамъ узнаю цѣну „камня.“ Отведя Мирзоева въ сторо„ну, я спросилъ его: „Скажите, лю„безный Иванъ Минаевичъ, какой „цѣны камень князя?“ — „Совершен„ные пустяки, и говорить не сто„итъ,“ отвѣчалъ онъ. „Нѣтъ! скажите „положительно,“ возразилъ я нетер„пѣливо, „это необходимо.“ — „Ну из„вольте, если вамъ угодно: онъ до„стался мнѣ по особенному случаю, „кажется за 50 или 75 рублей, хоро„шенько, право, не упомню.“ На этомъ отвѣтѣ онъ остановился упорно, и я долженъ былъ передать его князю, прибавивъ, что это, разумѣется, вздоръ.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ моемъ съ этимъ страннымъ человѣкомъ (тѣмъ болѣе страннымъ, что онъ принадлежалъ къ Армянскому народу, который, по общему убѣжденію любитъ больше брать, чѣмъ давать) оказалось, что Мирзоевыхъ было два брата: этотъ Иванъ Минаевичъ, о которомъ я говорилъ, и Гавріилъ Минаевичъ. Оба они были женаты, имѣли красивыхъ женъ и значительное количество дѣтей; но жили вмѣстѣ и вели всѣ дѣла вмѣстѣ. Дѣятельность ихъ была раз-

дѣлена такимъ образомъ, что Иванъ Минаевичъ постоянно находился въ обществѣ и поддерживалъ сношенія съ разными высшими лицами; Гавріилъ Минаевичъ сидѣлъ дома и велъ всѣ письменныя дѣла, изрѣдка, только въ торжественныхъ случаяхъ, показываясь въ свѣтѣ, и большею частію проводя вечера въ клубѣ, гдѣ и игралъ по копѣйкѣ въ ералашъ. Иванъ Минаевичъ былъ губернскимъ секретаремъ и чрезвычайно эффектно раскладывалъ на груди громаднѣйшаго Станислава, котораго правительство даровало ему за многочисленныя заслуги. Гавріилъ Минаевичъ за такія же заслуги возведенъ былъ въ потомственное дворянство. Нестолько по этимъ званіямъ, сколько по огромному богатству, которое на всѣхъ точкахъ земнаго шара имѣетъ одинаковую силу и обаяніе, Мирзоевы сохраняли въ Тифлисѣ необъятное значеніе; дѣла громадныхъ размѣровъ, которыя они вели, заставили ихъ учредить свои конторы и имѣть своихъ агентовъ чуть-ли не на всѣхъ концахъ міра. Отъ этого происходило, что куда-бы ни ѣхалъ Кавказецъ, вездѣ были повѣренные и уполномоченные Мирзоевыхъ, которые, вслѣдствіе

ихъ инструкцій, и оказывали заѣзжему всевозможныя услуги; отъ этого же происходило, что Тифлисскій житель, и находясь на мѣстѣ и отправляясь куда нибудь, вѣчно находился въ необходимости прибѣгать къ помощи и содѣйствію Мирзоевыхъ.

Возвращаюсь къ Вышлованскому празднику. На другой день утромъ всѣ собрались въ залѣ дома, гдѣ приготовленъ былъ двойной завтракъ: Грузинскій и Европейскій. Тутъ я познакомился съ „шашлыкомъ“, знаменитостью Грузинской кухни, о которомъ много слышалъ, но котораго вкушать еще не имѣлъ случая. Почтенный, всѣми любимый и уважаемый князь Димитрій Орбеліани, старшій всѣхъ и лѣтами и чинами, сидѣлъ во главѣ стола, какъ хозяинъ. Я замѣтилъ, что ему по временамъ приносили длинныя желѣзныя прутья, на прутьяхъ также длинными полосами находилось мясо, которое князь рѣзалъ тонкими лентами и одѣлялъ ими толпу желающихъ. Когда я спросилъ, что это?—мнѣ отвѣчали: „шашлыкъ!“ Тогда и я потянулся за одною изъ лентъ. Я долженъ безъ преувеличенія сказать, что никогда не ѣлъ ничего подобнаго. Я сдѣлался самымъ нахаль-

нымъ требователемъ этихъ дивныхъ лентъ и не отходилъ отъ князя до тѣхъ поръ, когда ему доложили, что „суки“ нѣтъ больше. Шашлыкъ приготовляется изъ различныхъ матеріаловъ и различными способами. Самый обыкновенный состоитъ въ томъ, что небольшіе куски баранины насаживаютъ на длинный желѣзный прутъ, вертелъ, и жарятъ надъ огнемъ. Самый роскошный шашлыкъ дѣлается именно изъ „суки“ т. е. филейнаго мяса. Этимъ именно шашлыкомъ и угощалъ насъ князь Димитрій. Шашлыкъ сдѣлался тотчасъ самымъ любимымъ моимъ блюдомъ, предъ которымъ, по моему вкусу, меркнутъ всѣ другія произведенія Грузинскаго кулинарнаго искусства. Крузенштернъ напр. приходилъ въ восторгъ отъ рыбы, приготовленной по грузински, тогда какъ я въ ней не находилъ рѣшительно ничего особеннаго. Говорили, что курица, приготовленная по имеретински, блюдо боговъ! Говорили, что торжество Грузинскаго искусства—цѣлый быкъ, изжаренный на вертелѣ; такого быка я не видалъ, но слышалъ, что опыты, произведенные по этой части княземъ А. И. Барятинскимъ въ Боржомѣ, были рѣшительно неудачны. Прибавляли,

что еще знаменитѣе такая штука, когда въ быкѣ находится теленокъ, въ теленкѣ баранъ, въ баранѣ барашекъ, въ барашкѣ гусь и т. д. Подобной штуки я тоже не видалъ и полагаю, что здѣсь туземцевъ плѣняетъ скорѣе обиліе мяса, нежели вкусъ приготовленія, котораго здѣсь и предполагать не возможно. Само собою разумѣется, что конецъ завтрака облитъ былъ обильно шампанскимъ. Князь послѣ завтрака уѣхалъ, а съ нимъ и нѣкоторые дѣловые люди; большая же часть общества осталась до обѣда, задержавъ полковую музыку и всѣхъ туземныхъ артистовъ. Обѣдъ также долженъ былъ явиться въ двухъ экземплярахъ: Грузинскомъ и Европейскомъ. Очарованный шашлыкомъ, я обязался ѣсть всѣ Грузинскія блюда, которыя заранѣе мнѣ перечислили; но съ перваго же блюда я долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія. Это первое блюдо, нѣчто въ родѣ нашего супа, была просто тарелка сплошнаго жиру, который не только ѣсть, но на который даже смотрѣть было тошно. Къ довершенію ужаса, прелестныя барыни Грузинскаго происхожденія ѣли этотъ ужасный супъ какъ-то руками и пачкались такъ сказать въ жиру.

Названіе этого блюда я уже не помню, а между тѣмъ оно считается у туземцевъ превосходнымъ именно по обилію жира, которымъ сопровождаются почти и всѣ другія Грузинскія яства.

Когда окончился этотъ неудачный для меня обѣдъ, начался общій отъѣздъ. Я отправился по уговору съ княгинею Марьею Ивановною, и съ удовольствіемъ вспоминаю эту поѣздку, продолжительность которой увеличилась значительно вслѣдствіе плутанья кучеровъ: они потеряли настоящую дорогу и никакъ не могли добраться до Каджоръ. Во время этой длинной поѣздки, умная, веселая и любезная княгиня повѣствовала мнѣ о своемъ прошедшемъ, разсказывала, между прочимъ, какъ, бывало, вмѣстѣ съ княгинею Екатериною Александровною Дадьянъ и Ниною Александровною Грибоѣдовою, онѣ втроемъ встрѣчали и полонили каждаго пріѣзжающаго въ Грузію, и замѣчала, что теперь нѣтъ уже такихъ женщинъ; какъ она была выслана въ Воронежъ или Ярославль вслѣдствіе какого-то заговора Грузинъ противу Русскихъ и прожила тамъ нѣсколько лѣтъ. Я зналъ, что у княгини есть дочь, которая вышла замужъ за N N; но ея именно въ это лѣто

почему-то не было въ Тифлисѣ, такъ что я вовсе еще ея не видалъ. Когда по поводу сожалѣнія княгини, что нынче нѣтъ уже въ Грузіи великолѣпныхъ женщинъ, я замѣтилъ, что дочь ея, несомнѣнно, будетъ достойною ея наслѣдницей, она сказала: „О! нѣтъ! Это очень милое, доброе, кроткое существо, но вы удивитесь, когда ее увидите: маленькая, смугленькая и не имѣющая ничего блестящаго!“ Слова эти, разумѣется, я принялъ, какъ проявленіе скромности матери, но впослѣдствіи, осенью, увидѣвъ дочь ея въ первый разъ на балѣ у Князя, я дѣйствительно былъ удивленъ. Въ этой скромной, симпатичной дамѣ я никакъ не ожидалъ встрѣтить дочери блестящей въ полномъ смыслѣ княгини Марьи Ивановны. Еще менѣе можно было ожидать, что эта скромная дама будетъ имѣть ту замѣчательную судьбу, которая ей предстояла.....

Въ Русск. Архивѣ 1868 г. сказано нѣсколько словъ о характерѣ и значеніи Записокъ Василія Антоновича Инсарскаго, и вслѣдъ за тѣмъ помѣщена одна глава изъ нихъ: «Поѣздка въ Баку». По убѣдительной нашей просьбѣ, многоуважаемый авторъ предоставилъ Русскому Архиву еще нѣсколько тетрадей своего мастерскаго повѣствованія. Изъ напечатанной теперь главы читатели еще ближе познакомились съ своеобраз-

ными сторонами Кавказскаго быта, а въ слѣдующей главѣ «Походъ 1859 г.» авторъ поведетъ насъ въ самую внутренность этого удивительнаго края. *П. Б.*